

- 4 Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством её императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Виленского отделения попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1901 г. – Вильно : типогр. «Русский почин», 1902. – 65 с.
- 5 Шимукович, С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX–начале XX в. / С. Ф. Шимукович. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 188 с.

УДК 94:323.2(476.2)"192"

А. Д. Лебедев

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

СЛУХИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1920–1930-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ)

Во всем многообразии исторических источников исследователи в последнее время все чаще и чаще обращают внимание на такой, казалось бы, экзотический тип источника, как слухи, циркулирующие среди населения разных эпох. Исследованием данного аспекта активно занимаются историки, фольклористы, социологи. Тому подтверждением обширная литература [1; 2; 3; 4].

В условиях советского тоталитарного режима, отсутствия реальной свободы слова и свободы прессы, слухи являлись не только своего рода «отдушиной», но и каналом свободной передачи информации, новостей, площадкой для обсуждения актуальных и злободневных тем. Понятно, что в условиях недостатка объективной информации о жизни в стране, люди были вынуждены многие вещи додумывать, фантазировать и как результат: слухи содержат порой нелепые досужие домыслы.

По мнению Ш. Фицпатрик «советская власть опасалась позволять гражданам бесконтрольно выражать на людях свое мнение по вопросам государственной важности. В то же время ей чрезвычайно хотелось знать, что думает народ» [5, с. 197]. Непосредственную работу по сбору и систематизации слухов проводила советская тайная полиция ГПУ-НКВД. Зафиксированные через осведомителей и доносчиков слухи в изобилии отложились в информационных сводках ГПУ-НКВД.

Исследуя слухи, исследователь неизбежно сталкивается с дилеммой: к какой же группе исторических источников их отнести? С одной стороны слухи по сути это фольклор. Но с другой стороны, слухи массово отложились в информационных сводках ГПУ-НКВД, а последние являются материалами делопроизводства и относятся к документальным источникам. Целые разделы сводок были озаглавлены как «настроения», «распространение провокационных слухов» и т.д.

Пожалуй, одной из самых часто обсуждаемых тем среди обывателей Гомельщины была война. Она равномерно присутствует на протяжении всего периода 1920-х – 1930-х гг. Ее появление было не удивительно, т.к. общество жило в состоянии войны с 1914 г. по 1920 г. Наконец, официальная партийная пропаганда даже в условиях мирного времени постоянно подогревала и муссировала тему войны, создавая образы «осажденной крепости», «враждебного капиталистического окружения», «мирового пожара» и пр.

Причем, местное население ожидало не просто войны, а смены существующей власти. Так в 1930 г. житель Березовского национального немецкого сельсовета в Мозырском округе «среди населения распространял слухи, что скоро должна быть война, а с нею и переворот существующего строя» [6, с. 271].

Подобные настроения были связаны с недовольством высокими налогами и, соответственно, низким уровнем жизни. Даже в 1925 г., в разгар относительно либерального НЭПа, по Гомельской губернии ГПУ фиксировало следующие настроения: «за 7 лет существования Советской власти крестьяне от неё кроме налогов ничего не видели», «Если положить на весы Николаевский [царский – А.Л.] режим и советскую свободу, то получится тяжелее. При Николае крестьянин платил налогу 7 рублей, а теперь платит 70 пудов ржи» [7, л. 65, 67, 75, 251].

Понятно, что после проведения насильственной коллективизации жизнь в деревне не улучшилась. В 1936 г., ударница колхоза «Белорусский коммунар» в Житковичском районе, Татьяна Черноголовая, обратилась к председателю «с просьбой оказать ей материальную помощь, т.к. у нее на иждивении 3 детей и она не имеет хлеба, кроме этого, Черноголовая просила произвести с ней расчет за 1935 г. <...> по трудодням». В ответ председатель сказал следующее: «Суши мох, кушай верес и корми этим своих детей» [8, л. 162-165].

Под впечатлением от жизни в колхозах крестьяне не просто ждали войны и смены власти, многие из них мечтали о новой социальной революции и о восстановлении старых порядков.

В 1926–1927 гг. Польское Бюро ЦК КП(б)Б изучив настроения польского населения БССР отмечало, что «что зажиточные элементы распространяли слухи, что возникновение войны и приход белополяков вопрос ближайших дней, в тоже время угрожая бедноте расправой за раздел земли в случае прихода поляков» [9, л. 35–38]. Встревоженные антисоветскими настроениями партийные чиновники приняли решение о необходимости «усиления среди польнаселения работы по всем линиям, а главным образом по линии экономической помощи бедноте, по линии разъяснения международной ситуации, роли Польши в подготавливаемой войне, внутреннего положения в Польше» [9, л. 35–38].

Аналогичная ситуация была зафиксирована ГПУ в Речицком районе Гомельского округа в 1929 г., где по данным спецслужб местное кулачество распространяло «всевозможные ложные слухи о перемене власти и приходе поляков, кем запугивали бедняцкую часть населения» [10, с. 249].

Так, если в 1920-х гг. на роль «вероятного противника» в ожидаемой войне слухи называли Польшу, то в 1930-х гг. к кандидатам на роль освободителя от советской власти прибавилась еще и Германия. В 1936 г. Мозырский окружной отдел НКВД в Наровлянском, Ельском и Лельчицком районах фиксировал распространение «провокационных слухов о войне и захвате Германией части СССР» [6, с. 281]. Как показали дальнейшие события 1941 г. слухи оказались пророческими.

Никак не поменялась ситуация и в 1938 г., когда в Речице НКВД арестовал местную жительницу Пчицкую Павлину. Ее обвиняли в том, что она «проводила контрреволюционную агитацию, распространяла провокационные слухи о скорой войне и что Советский Союз в войне потерпит поражение, клеветала на коммунистов, восхваляла существующий строй в Польше <...> распространяла провокационные слухи о войне и гибели Советской власти» [10, с. 398].

Причем крестьяне не просто пассивно ожидали войну, но и надеялись принять самое активное участие в последующих событиях. В 1936 г. в Житковичском районе НКВД фиксировало следующие разговоры: «скорей бы война, тогда был бы момент, чтобы разойтись из колхоза и вернуть свое имущество», «если будет война, то я знаю на кого поднимать оружие, ибо советская власть выносит невозможные постановления, а колхозники с голоду умирают» [8, л. 162–165]. В 1933 г. в Рогачевском районе во время празднования 1 мая один из жителей п. Стан Тихиничского сельсовета и вовсе заявил: «дай Бог, что бы только поскорее началась

война, то я думаю, что в эту войну никто не станет защищать этой власти» [11, л. 24].

У сельского населения, кроме темы войны, не последнее место занимали и слухи, связанные с коллективизацией, в первую очередь на почве недовольства раскулачиванием, ссылками и жизнью в колхозах.

В 1930 г. Гомельский Окружной Отдел ГПУ в разделе сводки посвященном настроениям зафиксировал, что по округу «распространяются всевозможные провокационные слухи о скором начале войны, развале колхозов и проч., как например: в деревне Дворище Хойникского района сестра высланного кулака Пинчук Парасковья, крепкая середнячка, в группе женщин из восьми человек говорила: «колхозов скоро не будет и все что они забрали у моего брата колхоз отдаст обратно вдвое ...» [12, л. 174, 176, 183].

В 1936 г. Мозырский окружной отдел НКВД в спецсообщении по Житковичскому району отмечал, что «бригадир колхоза Серговицкий распространяет провокационные слухи о войне, говоря: «Из колхозов ничего не будет, скоро все погибнет, т.к. в колхозе люди только голодают, вот будет война и поляки заберут всю нашу территорию» [8, л. 162–165].

Аналогичные мысли среди рядовых колхозников были зафиксированы агентами НКВД, но уже квалифицированные не как «слухи», а как высказывания в беседе, например: «колхозники с голоду помирают», «зачем нам быть в колхозе», «мы теперь не хотим работать в колхозах, т.к. большинство из нас ходит голодными и босыми» и т.д. Таким образом, в понимании работников советских спецслужб разница между слухами и разговорами на бытовые темы была, в сущности, невелика.

Нередко слухи о жизни в колхозах приобретали самые нелепые и порой фантастические очертания. Так, в 1930 г. «в колхозе «Мархлевск» Хойникского р-на имеются слухи о том, что вблизи деревни Стреличево того же района устроена крутелка [так в тексте – А.Л.] для колхозников, где всех их вешают – крутят, а потом бросают в яму и жгут. Такие слухи распространяются на мельнице <...> в деревне Поселичи» [12, л. 151, 156, 157].

В 1929 г. по Гомельскому округу партийные чиновники среди верующих католиков фиксировали разговоры, «что коллективы, это дьявольские организации, что там будут бить розгами крестьян, как было при крепостном праве, что праздники и воскресенья там велят работать и целого ряда других слухов» [13, л. 246–247].

В следующем 1930 г. «в селе Хизы Ветковского района крепкий середняк Лапицкий Василий распространяет слухи, что

в Шейковском колхозе женщинам подстригают волосы и все спят вместе, не разбираясь со своей женой, или с чужой». Характерно, что в данном конкретном случае, эти домыслы имели серьезные последствия. Под впечатлением от услышанного сразу 20 семей вышли из местного колхоза заявив «что мы в колхоз не идем потому, что там придется всем спать под одним рядом» [12, л. 46–52]. И это не единственный случай воздействия слухов на поступки людей. В 1927 г. в Лельчицком районе Мозырского округа антисоветски настроенные слои населения использовали «слухи о войне, как средство отпугнуть молодежь и детей от общественных организаций и комсомола <...> в Лельчицком районе, где под влиянием ксендза взрослое население побросало [членские – А.Л.] билеты МОПР» [6, с. 205].

Безусловно, власти не могли оставаться безучастными и вынуждены были реагировать, особенно если речь шла о миграционных настроениях. В 1929 г. секретарь Окружного комитета КП(б)Б отмечал, что «несмотря на неоднократные разъяснения до сих пор все еще распространяются слухи о возможности эмиграции в Америку и о якобы хороших условиях жизни там, в результате чего имеются факты организации групп крестьян (Брагинский, Комаринский, Чечерский районы), принимающих решительные шаги к выезду». Вынужденные реагировать местные власти рекомендовали «провезти ещё раз широкую разъяснительную работу на селе, указав на ложность подобных слухов и крайне тяжелое положение, в котором оказываются эмигранты, не находя работы» [14, л. 27].

Пожалуй, самым нестандартным и из ряда вон выходящим, был слух о «появлении черта в Гомеле» в 1925 г. В очередной информационной сводке работники ГПУ зафиксировали буквально следующее: «28–29, 30 и 31 января с.г. по всем предприятиям г. Гомеля среди рабочих циркулировали слухи, что «черт» пойман и находится в Гомеле и за показ его милиция берет 10 коп. Вечером 31 января сего года некоторые рабочие направлялись в парк имени Луначарского куда якобы милицией был приведет «черт» и он показывался за плату 10 коп. В толпе рабочих раздавались крики «черта» ведут толпа бросалась к указанному месту и ничего не находила. 31 января днем в Гомеле у рабочего союза строителей собралось около 100 человек рабочих в это время по улице проходила милиция в строю с музыкой, кто-то крикнул «черта ведут», и рабочие бросились, давя друг друга – смотреть. 1 февраля сего года на базаре среди толпы тоже раздавались выкрики «черта ведут» и толпа бросалась то в одну, то в другую сторону, давя друг друга. Кем-то

был пущен слух, что черт сидит в Горсовете, где его будут показывать сверх программы кинокартин. Публика толпилась целый день у горсовета, где в это время происходил пленум Губисполкома, и только вечером публика была разогнана милицией. Кем впервые стали распространяться слухи, не установлено» [15, л. 80, 81, 82].

Еще одна группа слухов, постоянно циркулировавших среди населения, связана с советской антирелигиозной политикой. Как правило это была реакция на закрытие церквей, репрессии в отношении верующих и т.д. В 1930 г. в отдельных районах Гомельского округа ГПУ фиксировало «слухи о том, что если церковь заберут под клуб, то она сгорит», а также «распространились ложные слухи о том, что всех верующих будут обкладывать в индивидуальном порядке, что создало паническое настроение, приведшее верующих к вынужденному отказу от посещения и содержания церкви» [12, л. 114–118].

Наконец, уроженка Гомеля А. Фальковская уже находясь в заключении в Темниковском лагере в 1936 г., обвинялась в распространении «провокационных слухов», в частности, она говорила, что «после проекта новой Конституции стали много сажать в тюрьмы и подвалы людей, в особенности верующих, которые посещают церкви и костелы, судят таковых по ст. 58 УК» [10, с. 374].

Таким образом, приведенные выше примеры свидетельствуют, что слухи представляли собой не просто досужие разговоры. Они отражают состояние и настроение общества, которое жило в атмосфере постоянной тревоги, страха и надежды на скорые перемены. Содержание большинства циркулирующих слухов четко свидетельствует о массовом распространении антисоветских настроений среди населения Гомельщины и о неприятии диктатуры большевиков.

Список использованных источников и литературы

- 1 Егоров, А. К. Слухи как объект исторического исследования / А. К. Егоров // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 7–10.
- 2 Слухи в истории России XIX – XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории: сб. ст. / Под ред. И. В. Нарского [и др.]. – Челябинск : Каменный пояс, 2011. – 368 с.
- 3 Голубев, А. В. Крестьянские слухи и толки: источник или исследование? (на примере внешнеполитических представлений первой трети XX века) / А. В. Голубев // Актуальные проблемы аграрной Истории

восточной Европы X–XXI вв. Источники и методология исследования. Тез. докл. И сообщений. – М., 2010. – С. 102–103.

- 4 Горбатов, Д. С. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы / Д. С. Горбатов, С. Н. Большаков // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 98–107.
- 5 Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. / Ш. Фицпатрик. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
- 6 Конфессии на Гомельщине (20-е – 30-е годы XX в.) / М. А. Алейникова, А. Д. Лебедев [и др.]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: НАРБ, 2013. – 388 с.
- 7 Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2750.
- 8 ГАООГО. – Ф. 69. Оп. 3. Д. 16.
- 9 ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 393.
- 10 Костел и власть на Гомельщине (20-е – 30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, С. Лясковски. – Варшава–Люблин–Гомель: IPN-IESW, 2009. – 470 с.
- 11 ГАООГО. – Ф. 154. Оп. 2а. Д. 77.
- 12 ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 714.
- 13 ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.
- 14 ГАООГО. – Ф. 3340. Оп. 1а. Д. 18.
- 15 ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938.

УДК 94:322(438):2-9-67:272/273:274/278(476-15)"1921-1939"

Т. В. Лісоўская

(Брэст, УА «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт»)

УЗАЕМААДНОСІНЫ КАТОЛІКАЎ І ПРАТЭСТАНТАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939) У КАНТЭКСТЕ РЭЛІГІЙНАЙ ПАЛІТЫКІ Польшчы

Міжканфесійныя камунікацыі ў поліканфесійным грамадстве Заходняй Беларусі гістарычна будаваліся па лініі «праваслаўныя – каталікі», якія ўскладняліся існаваннем этнаканфесійнай дыхатаміі «беларус/рускі – праваслаўны» і «паляк – каталік» і прэтэнзіямі кожнай з гэтых этнаканфесійных груп на выключную ідэнтыфікацыю з дадзенай тэрыторыяй. Рэлігійныя меньшасці былі прадстаўлены пераважна нацыянальным «прышлымі» групамі: іўдзеі-яўрэі, мусульмане – татары, лютэране/кальвіністы – нашчадкі нямецкіх